

Социально-экономическое положение студенчества
Восточного педагогического института в 1920-е гг.

А.И. Першина

*Лицей №273 им. Л.Ю. Гладышевой
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье исследуется социально-экономическое положение студенчества на примере Восточного Педагогического института в 1920-е гг. Обращается внимание на жилищную проблему и способы её решения, а также на основные вопросы, касающиеся социального обеспечения студентов: условия получения стипендии, льготного проезда, медицинского сопровождения. Особое внимание уделяется работе благотворительной организации «Европейская студенческая помощь», действовавшей от имени известного путешественника и филантропа Ф.Нансена.

Ключевые слова: высшее педагогическое образование, студенчество в 1920-е гг., Восточный педагогический институт, ранняя советская повседневность, студенческий быт в 1920-е гг., жизнь студентов после революции, миссия доктора Ф.Нансена, «Европейская студенческая помощь»

Для цитирования: Першина А.И. Социально-экономическое положение студенчества Восточного педагогического института в 1920-е гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.111–122. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.111-122>

Для понимания социально-экономического положения студенчества в 1920-е гг. важно представлять условия их существования в этот период. Огромный людской поток, наводнивший Казань во времена НЭПа требовал от города скорейшего решения жилищной проблемы, которая естественным образом затронула и многочисленное студенчество, в том числе и учащихся Восточного педагогического института (далее ВПИ). Одним из самых выгодных вариантов решить жилищный вопрос считалось получение места в общежитии. К концу 1920-х гг. в Казани насчитывалось семь студенческих общежитий с общей площадью 6517 кв. метров, где проживало 1317 человек [24, с.176]. Строительство новых студенческих общежитий долгое время не велось. Здания уже существующих общежитий были переполнены. Поэтому городские власти передали вузам здания бывших гостиниц: «Волга», «Свет», «Киев».

Наиболее удобными для проживания учащихся вузов Казани считались общежития №1 (Лобачевское) и №4, имевшие статус студенческих еще до революции. Условия проживания в общежитиях №2, 3, 6 и 7 друг от друга не отличались: «пыль, паутина на стенах, потолках и окнах, полы грязны» [15, с.2].

О фактах нарушения санитарно-гигиенических норм, имевших место в общежитиях на всем протяжении исследуемого периода не раз упоминалось в студенческой печати. Так, администрация одного из общежитий позволяла студентам пользоваться уборными (санузлами) только по воскресеньям и праздничным дням. Проблема чистого белья была насущной для студенчества. Как отмечали сами учащиеся, «девчата еще кое-как справляются с бельем, а ребятам приходится совсем плохо: сами стирать не умеют, а прачки берут по 15 копеек за штуку». Однако, студенты не теряли оптимизма, предлагая в обстановке, когда в общежитиях неделями не было воды, «умываться в Кабане или, что несравненно приятнее и удобнее, совсем не умываться» [1, с.2].

Большую помощь молодым людям оказывали действовавшие в городе землячества: чувашское, марийское, вотское (удмуртское), которые имели возможность разместить некоторое количество учащихся в своих помещениях.

Пространство общежитий было благодатной почвой для наблюдения за настроениями студентов. На закрытых партийных собраниях вуза не раз поднимался вопрос о том, что «настроения живущей в общежитии студенческой массы поверхностно-удовлетворительное. Но в скрытой форме чувствуется недовольный ропот, который может прорваться» [8, л.46].

Всего 40% нуждавшихся студентов имело место в общежитии [23, л.219], остальным, для удовлетворения жилищных нужд, приходилось прибегать к услугам частного сектора. При оплате арендованного жилья учащиеся учебных заведений, в том числе и студенты вузов, были приравнены к категориям рабочих и служащих. Размер платы зависел от нескольких условий: удаленности от центра, наличия или отсутствия электричества, водопровода, канализации.

Одним из самых радостных моментов в жизни казанского студента можно было считать предоставление ему возможности жить в собственной комнате. Сохранились воспоминания Е.А. Ивановой, внучатой племянницы Ф.М. Достоевского, учившейся в 1920-е гг. в Восточном педагогическом институте: «С осени я живу не в углу, а в своей собственной комнате. Живу в Ивановском монастыре, в келье. Комната крошечная, низкая – в окне одна рама, входная дверь не затворяется, как следует, дует... но это все пустяки. Зато своя собственная комната. Если говорить простым языком – то попросту самая плохонькая комнатка на чердаке...» [4, с.289].

В случае, если ситуацию с жильем решить не удавалось, молодые люди были вынуждены возвращаться домой. В отчетах с сожалением отмечалось, что «много студентов преимущественно татар, узбек, башкир, прибывших из деревень и далеких окраин, не имеющих никаких связей в городе, оставшись без помещения, вынуждены уходить из города и уезжать домой...» [16, л.43].

Восстановить полную картину заболеваний и медицинской помощи студентам Восточного педагогического института 1920-х гг. не представля-

ется возможным ввиду недостатка источников. Однако, на основе имеющихся в личных делах медицинских справок возможно выявить наиболее распространенные среди учащихся заболевания: тиф, малярия, малокровие, неврастения, туберкулез. Каждый девятый студент, поступивший в ВПИ в 1922 г. переболел к этому времени тифом в разных формах: сыпным, брюшным и возвратным. Как свидетельствуют источники, на всем протяжении исследуемого периода амбулаторное обследование студенческого состава состоялось лишь однажды, в 1927 г. Из 236 человек, обратившихся за помощью, здоровыми были признаны 72 человека [9, л.27об.].

Необходимость улучшения поправки здоровья студентов становится очевидной. Поэтому руководство вуза старалось направлять их на отдых и лечение в санатории и дома отдыха. Однако этот вид социальной поддержки был редкостью. В 1926 г. лишь 26 студентов педагогического института смогли воспользоваться путевкой.

Постепенно, к концу 1920-х гг. набирает обороты интерес к физкультурному движению. Так, в 1926/27 учебном году силами студентов-энтузиастов в институте был создан кружок физической культуры. Занимались в основном баскетболом, а в зимнее время организовывали лыжные прогулки. С введением высшей допризывной подготовки в институте стала осуществляться подготовка к соревнованиям по гимнастике, футболу, волейболу, лыжным гонкам. В результате уже к концу 1928 г. кружок насчитывал 42 человека. В марте 1928 г. команда ВПИ была 3-м призером стрелковых соревнований секций Осовиахима и физкультурников Казани, а также первенствовала в смешанной лыжной эстафете. В марте 1929 г. женская команда по спортивной гимнастике заняла первое место в общегородских соревнованиях [3, с.35–36].

Даже несмотря на некоторые позитивные тенденции в области физкультуры и спорта к началу 1931 г. проблема решена не была. В институте отсутствовала собственная спортивная база, поэтому спортзал приходилось арендовать у Татарского коммунистического университета (далее ТКУ). Нередко занятия проводились в актовом зале самого института, который на время превращался учащимися в некое подобие футбольного поля. Студенты, занимавшиеся в соседнем с залом кабинете ленинизма, с горечью отмечали, что из-за постоянного шума «ни ленинизм, ни история партии не идут в голову» [14, л.58].

Здоровье студентов напрямую зависело от того, чем питались молодые люди. Масса публикаций периодической печати отличала крайне негативную оценку, как внешнего вида студенческих столовых, так и их работы. Питались, как правило, лишь госстипендиаты, получавшие кредитные талоны на обед и ужин. Так, о столовой казанского рабфака, обслуживавшей одновременно сразу два общежития, говорилось буквально следующее: «Приходится стоять в очереди за обедом почти по часу. Постоишь, час в очереди – получишь свою порцию, а сесть негде. Обедай стоя или еще жди. Обеды очень однородны, чуть ли не неделю дают одно и то

же блюдо. Да и варят то неважно, другой раз такой суп дадут, что и не притронешься. А с ужином дело обстоит еще хуже!».

Дополнить изучение данного вопроса может анализ меню студенческих столовых, организованных иностранными организациями, работавшими в Советской России во время голода 1921–1923 гг. В период с сентября по декабрь 1922 г. цены на товары первой необходимости – хлеб, картофель, крупу, выросли в среднем в три раза. Стало понятно, что государство не в состоянии справиться с бедствием самостоятельно. На призыв о помощи откликнулись различные иностранные организации, самой крупной из которых была Американская администрация помощи (АРА). О работе других организаций, таких, например, как «European Student Relief» (Европейская студенческая помощь – ЕСП) имеются лишь отрывочные сведения. Свою историю ЕСП начала в 1920 г. в составе всемирной студенческой христианской федерации. Центральный офис располагался в Швейцарии, в Женеве. Всемирная студенческая христианская федерация была основана американским миссионером Джоном Моттом в 1895 г. Мотт в 1946 г. был удостоен Нобелевской премии мира. Федерация существует в настоящее время и включает в свой состав ряд православных, протестантских и католических организаций. ЕСП имела собственные бланки и печать. В центре круглой по форме печати размещалось изображение двух земных полушарий, объединенных лентой с девизом на латинском языке «UT OMNES UNUM SINT!» – «Все должно быть едино!». Надписи на русском и английском языках: «Европейская студенческая помощь – European Student Relief» [19, л.28].

Появление ЕСП в России стало возможным после того, как 20 августа 1921 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между правительством РСФСР и АРА, и через неделю аналогичного документа с доктором Нансенем, представляющим международный Комитет помощи России (МКПР). ЕСП, согласно договору, могла осуществлять продовольственную помощь, организуя бесплатное питание российских студентов в столовых. Первые из которых были открыты в Самаре в начале мая 1922 г. Далее в течение 1922–1923 гг. питание было организовано в Саратове, Харькове, Казани, Томске, Новочеркасске, Ростове на Дону, Симферополе, Астрахани и Пензе. Казанский комитет ЕСП начало свою работу в октябре 1922 г. [6, л.161об.]. Руководителями отделения в Казань были направлены англичанин Лионель В.Харфорд и голландец Коепер. Е.С. Гинзбург, учившаяся в этот период в казанском университете, вспоминала: «Студенты почти сразу же начали называть его «Летучим Голландцем». Не только потому, что он был родом из Голландии, но и потому, что в его облике было что-то фантастическое. Он был огромного роста, но тонок в кости. Его голова на длиннющей шее так высоко поднималась над уровнем всех наших голов, что он всегда смотрел как бы мимо и вверх, тем более что был страшно близорук, и толстые выпуклые линзы закрывали его глаза. Ходил он в длинной, неуклюжей меховой дохе, с которой он не

расставался, конечно, и в наших нетопленных помещениях» [5, с.89]. С советской стороны в комитет должны были войти один представитель местных органов власти и четыре представителя студенчества [21, л.22–23].

Столовые работали шесть дней в неделю. Рацион питания был довольно разнообразным: рис, пшено, просо, бобовые, картофель, мясо, какао и т.д. Часть продовольствия завозилась в голодающий регион из-за границы, остальное закупалось на деньги организации на местном рынке. Калорийность студенческих обедов, состоявших из двух блюд, составляла в среднем 1501–1519 килокалорий. Вот примерное меню тех лет: на первое – рисовая или пшенная каша с мясом и какао, на второе – овощной или бобовый суп с просынным пудингом и чаем и т.д. Заботы о содержании столовых ложились на плечи самих студентов, в обязанности которых входило содержание обслуживающего персонала, текущий ремонт помещений и т.д. Нередко учащиеся привлекались к работе в столовых в качестве чернорабочих.

Всего в период с октября 1922 г. по июнь 1923 г. благодаря действиям казанского комитета ЕСП удалось организовать работу трех студенческих столовых, обслуживавших в общей сложности 1400 учащихся [6, л.112об.].

Вторым направлением деятельности ЕСП стало распределение одежды, собранной студентами европейских стран (Англии, Ирландии и Голландии) для «советских товарищей», которая, как правило, была уже в употреблении. В первую партию одежды, присланной иностранными студентами в Казань, вошло 650 пакетов женского и 500 мужского белья. Вместе с комплектами доставили около 70 мужских пальто и 40–50 костюмов, около 7 одеял, некоторое количество отрезков, шлемы, платки [7, л.333об.]. Из поступивших в распоряжение комитета вещей составлялись комплекты, которые распределялись между учащимися через лотерею [7, л.371об.]. В один комплект одежды входили: пара ботинок, брюки, пиджак, комплект белья и т. д.¹

Помимо вышеперечисленных направлений деятельности ЕСП занималась обеспечением советских вузов необходимой литературой. Для этого каждый факультет должен был составить список наиболее необходимых книг и журналов. Вузы могли заказывать как русскую, так и иностранную литературу.

Стремление государства в первые годы существования Советской власти организовать поддержку всем студентам оказалось довольно затруднительно реализовать на практике. Поэтому государство перешло к

¹ В мае 1923 г. после проведения лотереи в распоряжении комитета осталось некоторое количество одежды и ботинок. Коепер информировал собравшихся о ходатайстве, поступившем со стороны команды футболистов при Наркомпросе, с просьбой выдать 50 пар ботинок. Посоветовавшись, члены комитета решили: ботинки не выдавать, т.к. они для футбола были не пригодны // ГА РТ. Ф.41. Оп.1. Д.152. Л.371об.

обеспечению государственными стипендиями только лиц пролетарского происхождения и студентов старших курсов. Для того чтобы стать кандидатом на получение стипендии абитуриент (студент) должен был написать заявление и заполнить «Анкету для определения на государственную стипендию студентов вуза». Главная цель документа заключалась в отражении всех этапов жизни абитуриентов для определения его социального происхождения и отношения к новой власти [2, с.418].

Стипендии были разделены на три категории: государственные, хозяйственные и частные. Существовала также практика пожертвований от частных лиц не только в денежной форме, но и продуктами. В октябре 1926 г. Центральная стипендиальная комиссия издала декрет, по которому за основу оценки студента, как кандидата на стипендию, помимо академической успеваемости и степени нуждаемости, бралась во внимание его востребованность как специалиста и общественного работника.

В 1921/1922 учебном году стипендия состояла из 5 рублей в месяц и продовольственного пайка, выдававшегося чаще всего в виде сырых продуктов. В 1923 г. норма пайка для высших педагогических учебных заведений составляла 60 фунтов муки, 15 фунтов мяса, круп, муки 7,5 фунта, 2,5 фунта масла [22, л.222].

Главпрофобр Наркомпроса РСФСР определил следующий порядок обеспечения стипендиями в первую очередь: 1) рабфаковцы, 2) рабочие и крестьяне, имеющие стаж физического труда не менее пяти лет; 3) студенты, имеющие ответственный профсоюзный, общественно-административный и военно-политический стаж не менее пяти лет. Однако, по данным А.Ф. Шевченко, реальный размер госстипендии в провинциальных вузах в условиях постоянного обесценения денежных знаков в 1922/23 г. составлял на твердую валюту всего 70 коп. в месяц [25, с.340], при норме 5 руб.

Помогали студентам и хозяйственные стипендии, которые устанавливались различными организациями и учреждениями. Студент, желающий получить стипендию какого-либо учреждения, заключал с ним договор, согласно которому молодой человек после окончания вуза должен был отработать затраченные на него средства.

В 1924/25 г. хозяйственные стипендии составляли от 10–15 до 100–120 руб., в среднем 40–50 руб. В целом, размер стипендий зависел от месторасположения вуза в одном из так называемых двух «поясов дороговизны»: в первый входили обе столицы и рабочие центры, во второй – вся провинция. В 1928 г. была введена дифференциация по видам вузов и курсам обучения. Размер стипендии напрямую зависел от того, на каком курсе обучается студент. Приоритет отдавался учащимся индустриальных вузов, чья стипендия хоть и ненамного, но была выше, чем у всех остальных.

Для педагогического института было характерно небольшое количество студентов, получающих хозяйственную стипендию, размер которой варьировался от 8 до 22 руб. [10, л.56об]. Процент студентов, получающих частные (хозяйственные) стипендии на всем протяжении исследуемого

периода продолжал сокращаться и в результате достиг 2%, лишь каждый 43-й студент ВПИ имел возможность получить данный вид помощи.

После окончания работы стипендиальных комиссий, как правило, следовал поток заявлений-апелляций с просьбами о пересмотре решений. В комиссию поступали многочисленные доводы и сведения от отдельных людей, профсоюзов, комсомольских или партийных ячеек с требованием назначить претенденту стипендию. Распространены были и анонимки, их анализ позволяет сделать выводы о том, что написавший подобный документ, как правило, был хорошо осведомлен как об учебной, так и внеучебной деятельности объекта.

В 1928/1929 учебном году в Наркомпросе РСФСР был подсчитан приблизительный ежемесячный бюджет одного студента. Из него следовало, что при минимальных затратах учащимся необходимо было иметь на руках 63 руб. 84 коп., в то время как размер стипендии составлял от 30 до 45 руб., в зависимости от типа вуза и курса.

«Бедственное» материальное положение сказывалось и на формах проведения досуга. Как правило, имеющееся в распоряжении свободное время, большинство студентов ВПИ тратило на поиск работы. Вследствие денежных средств учащиеся зачастую лишались возможности посещать театр и кино: «Живем в комнате, не выходя никуда. Такая жизнь с материальными недостатками воспитывает в нас зависть, скупость, эгоизм. Характер становится замкнутым» На вопрос с чем это связано молодые люди давали самый распространенный в то время ответ – «не на что» [1, с.2].

Система социальной поддержки студенчества в 1920-е гг. включала в себя и льготный проезд учащихся на дальние расстояния. Наркомпрос совместно с Народным комиссариатом путей и сообщений регулярно разрабатывали циркуляры и инструкции о бесплатном проезде учащихся по железным дорогам и водным путям СССР. Для того чтобы воспользоваться подобным видом государственной поддержки студенту необходимо было написать заявление, в котором чаще всего указывались цели и место, реже дальность и причины поездки. Затем администрацией вуза принималось решение о размере предоставляемой льготы от 25 до 100%. Стоимость бланка талона на проезд оплачивалась студентом.

Оплата проезда была возможна в следующих случаях: 1) каникулярный отпуск; 2) выезд к месту проведения производственной практики; 3) и экскурсии. Удостоверения на проезд на каникулы выдавались два раза в год. Студенты имели право воспользоваться лишь плацкартными вагонами.

Льготный проезд устанавливался и для групп студентов, направляющихся на экскурсии. В распоряжении Главпрофобра от 8 января 1926 г. оговаривались условия проезда по железной дороге и водным путям. В первом случае учащиеся могли воспользоваться 50% скидкой, предоставляемой Главпрофобром, а во втором размер льготы каждое пароходство, осуществлявшее перевозку, устанавливало самостоятельно. В 1928 г. сту-

денты 4 курса татарского и чувашских отделений ВПИ получили 100% скидку на проезд на экскурсию в Ленинград и Москву [12, л.108].

В 1926 г. был установлен бесплатный проезд студентов к месту производственной практики. В 1930 г. правила были пересмотрены, и проезд студентов к месту практики стали оплачивать учебные заведения [13, л.7об].

В первой половине 1920-х гг. широкое распространение получили такие массово-политические мероприятия как недели помощи пролетарскому студенчеству. Их проведение, по мнению организаторов, должно было ликвидировать «старый традиционный взгляд на студенчество, как на некий паразитический элемент» [26, с.2]. Учащиеся выезжали в кантоны республики с концертными программами, занимались проведением вечеров с целью сбора средств. В октябре 1923 г. была проведена всесоюзная неделя помощи пролетарскому студенчеству, в рамках которой в Казани прочитаны лекции, даны спектакли и концерты. Осенью следующего года было основано Всесоюзное общество помощи пролетарскому студенчеству, сыгравшее большую роль в улучшении условий жизни и учебы учащихся вузов. Общество заботилось об увеличении числа стипендий, создании общежитий, столовых, обеспечении льготных условий приобретения студентами учебников и т.д.

Учащимся также было разрешено проведение так называемых «кружечных сборов» и сборов по подписным листам. В рамках таких недель предусматривались различные льготы организациям, выделявшим средства на студенческие нужды. Учащимся направлялись также средства, выручаемые от проведения некоторых развлекательных мероприятий.

Помимо государственной поддержки учащиеся старались организовать помощь нуждающимся товарищам собственными силами. Существовало несколько видов студенческой самопомощи: кассы взаимопомощи (КВ), студенческие кооперативы, бюро труда, работа землячеств.

В 1922 г. в ВПИ была организована касса взаимопомощи, а в следующем году был разработан ее устав. Цель заключалась в содействии улучшению экономического положения наиболее нуждающихся студентов. Стать членом можно было, написав заявление и внося вступительный взнос в размере 1 руб. Бюджет кассы взаимопомощи складывался из средств, полученных от вступительных и членских взносов, пожертвований, лекций, концертов, диспутов, сборов по подписным листам.

Спектр оказываемых услуг был обширным: выдача ссуд на срок от 1 до 1,5 месяцев, (в исключительных случаях (тяжелая болезнь) они выдавались безвозмездно), выдача хлебопродуктов и медикаментов. Особо нуждающиеся студенты могли воспользоваться услугами студенческого кооператива, как со скидками, так и совершенно бесплатно. Многие студенты вообще не получали стипендию на руки: она из кассы бухгалтерии вуза напрямую перечислялась в КВ. Такая система позволяла учащимся пи-

таться от стипендии к стипендии в вузовских буфетах и столовых, и приобретать канцтовары, одежду, учебные пособия в кредит.

Одним из направлений деятельности касс взаимопомощи была организация платных лекций совместно с профессорско-преподавательским составом вузов. Полученные средства от них поступали в распоряжение кассы. Так, в марте 1923 г. в актовом зале университета состоялась лекция профессора В.Т. Дитякина «Интеллигенция на распутье» [17, л.2об.].

Как видно из отчета кассы взаимопомощи ВПИ за 1923 г., основная часть заявлений с просьбами о помощи поступила от беспартийных студентов. В первую очередь были удовлетворены просьбы связанные с выдачей муки и денежных ссуд. В 1927–1928 учебном году в студенческую КВ было подано более 1000 заявлений, но удовлетворить все не представлялось возможным. Размер помощи составлял от 1 до 10 рублей [11, л.27об.].

Наряду с кассами взаимопомощи при вузах действовали бюро труда. Их основными задачами были постановка на учет безработных студентов и последующий поиск для них подходящих вариантов работы. В 1923 г. основную часть безработных составляли школьные работники, 161 человек. Работой было обеспечено лишь пять человек. В 1924 г. количество безработных значительно увеличилось, составив и составило 262 человека. В результате мероприятий бюро труда часть студентов были устроены на работу в артели репетиторов, переплетчиков, пакетчиков, статистиков и страховых агентов [18, л.20].

Активную помощь учащимся оказывали землячества. Целью подобных организаций была всесторонняя поддержка своих членов. Активную позицию занимали власти национальных республик и областей, чьи представители состояли в землячествах. Так, Чувашская АО(ЧАСССР) и Марийская АО помогали общежитиям и студентам, живущим на частных квартирах дровами [20, л.1].

До революции одним из способов дополнительного заработка для студентов были «уроки», но в 1920-е гг. репетиторство в силу многих обстоятельств отошло на второй план. Подрабатывать этим видом интеллектуального труда удавалось лишь немногим студентам, поскольку рынок был занят безработными педагогами. Наиболее распространенной формой заработка для студента стал труд физический, труд разнорабочего, во многом случайный и низкооплачиваемый.

1920-е гг. стали временем становления нового государства и всевозможных экспериментов в области образования в целом и высшего педагогического образования в частности. Восточный педагогический институт, став крупнейшим вузом по подготовке педагогических кадров в Поволжье, несмотря на ряд озвученных выше проблем, все же смог наладить подготовку и выпуск будущих учителей в непростое для страны время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абрамкин Д.* Житье-бытье рабфаковцев // На вузовской стройке. 1929. №3.
2. *Амалиева Г.Г.* «Сочувствую РКП (б), так как она дала мне возможность учиться в вузе...»: Социальная поддержка и контроль студентов Казанского университета в 1920-е годы // Советская социальная политика 1920-х–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П.Романова, Е.Ярской-Смирновой. М., 2007. С.414–430.
3. *Бобырев Н.Д.* История физической культуры и спорта в казанском педагогическом университете (1876–1949) // Музейный вестник КГПУ. Казань, 2004. Вып. 1. С.35–36.
4. *Волоцкий М.В.* Хроника рода Достоевских. М., 1933. 442 с.
5. Гинзбург Е.С. Студенты 20-х годов // Юность. 1966. №8. С.85–90.
6. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.41. Оп.1. Д.125.
7. ГА РТ. Ф.41. Оп.1. Д.152.
8. ГА РТ. Ф.Р–1146. Оп.1. Д.4.
9. ГА РТ. Ф.Р–1146. Оп. 1. Д.154.
10. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.28.
11. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.154.
12. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.171.
13. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.275.
14. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.324.
15. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.351.
16. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.6. Д.2.
17. ГА РТ. Ф.Р–1489. Оп.1. Д.2.
18. ГА РТ. Ф.Р–1489. Оп.1. Д.3.
19. ГА РТ. Ф.Р–1489. Оп.1. Д.6.
20. ГА РТ. Ф.Р–1489. Оп.2. Д.11.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.1058. Оп.1. Д.164.
22. ГА РФ. Ф.1565. Оп.6. Д.265.
23. ГА РФ. Ф.5574. Оп.1. Д.39.
24. *Платова Е.А.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху 1917–1927 гг. СПб., 2001. 230 с.
25. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Т.1. Краснодар, 2002. 408 с.
26. С[туденческий] К[омитет] о нуждах студенчества // Красная Татария. 1923. №201.

Информация об авторе:

Першина Алия Ильдаровна – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания, Лицей №273 им. Л.Ю. Гладышевой (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: aliya.pershina.84@bk.ru

Поступила 31.10.2022

Принята к публикации 19.12.2022

The socio-economic status of students
of the Eastern Pedagogical Institute in the 1920s

A.I. Pershina

Lyceum №273 named after L.Yu. Gladysheva

St. Petersburg, Russian Federation

In the paper the socio-economic status of students is studied on the example of the Eastern Pedagogical Institute in the 1920s. Attention is drawn to the housing problem and ways to solve it, as well as to the main issues related to the social security of students: conditions for obtaining scholarships, preferential travel, medical support. Particular attention is paid to the work of the charitable organization "the European Student Relief", which acted on behalf of the famous traveler and philanthropist F. Nansen.

Keywords: higher pedagogical education, students in the 1920s, the Eastern Pedagogical Institute, early Soviet everyday life, student life in the 1920s, life of students after the revolution, doctor F. Nansen mission, the European Student Relief

For citation: Pershina A.I. The socio-economic status of students of the Eastern Pedagogical Institute in the 1920s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.111–122. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.111-122> (In Russian)

REFERENCES

1. Abramkin D. Zhit'e-byt'e rabfakovtsev [Life-mode of life of workers' faculty students]. *Na vuzovskoy stroyke*, 1929, №3. (In Russian)
2. Amalieva G.G. «Sochuvstvuyu RKP (b), tak kak ona dala mne vozmozhnost' uchit'sya v vuze...»: Sotsial'naya podderzhka i kontrol' studentov Kazanskogo universiteta v 1920-e gody ["I sympathize with the RCP (b), since it gave me the opportunity to study at a university..."]: Social support and control of Kazan University students in the 1920s]. *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920-kh–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'*. Ed. by P.Romanov, E.Yarskaya-Smirnova. Moscow, 2007. Pp.414–430. (In Russian)
3. Bobyrev N.D. Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta v kazanskom pedagogicheskom universitete (1876–1949) [History of physical culture and sports at the Kazan Pedagogical University (1876–1949)]. *Muzeynyy vestnik KGPU*, vyp. 1, 2004, pp.35–36. (In Russian)
4. Volotskiy M.V. Khronika roda Dostoevskikh [Chronicle of the Dostoevsky family]. Moscow, 1933. 442 p. (In Russian)
5. Ginzburg E.S. Studenty 20-kh godov [Students in the 20s]. *Yunost'*, 1966, №8, pp.85–90. (In Russian)
6. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan (GA RT) [State Archive of the Republic of Tatarstan]. F.41. Op.1. D.125. (In Russian)
7. GA RT. F.41. Op.1. D.152. (In Russian)
8. GA RT. F.R–1146. Op.1. D.4. (In Russian)
9. GA RT. F.R–1146. Op. 1. D.154. (In Russian)
10. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.28. (In Russian)
11. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.154. (In Russian)

12. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.171. (In Russian)
13. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.275. (In Russian)
14. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.324. (In Russian)
15. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.351. (In Russian)
16. GA RT. F.R–1487. Op.6. D.2. (In Russian)
17. GA RT. F.R–1489. Op.1. D.2. (In Russian)
18. GA RT. F.R–1489. Op.1. D.3. (In Russian)
19. GA RT. F.R–1489. Op.1. D.6. (In Russian)
20. GA RT. F.R–1489. Op.2. D.11. (In Russian)
21. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation]. F.1058. Op.1. D.164. (In Russian)
22. GA RF. F.1565. Op.6. D.265. (In Russian)
23. GA RF. F.5574. Op.1. D.39. (In Russian)
24. Platova E.A. Zhizn' studenchestva Rossii v perekhodnuyu epokhu 1917–1927 gg. [The life of students in Russia in the transitional era 1917–1927]. Saint Petersburg, 2001. 230 p. (In Russian)
25. Rozhkov A.Yu. V krugu sverstnikov: zhiznennyy mir mladogo cheloveka v sovetskoy Rossii 1920-kh godov [Among peers: the lifeworld of a young man in Soviet Russia in the 1920s]. Vol. 1. Krasnodar, 2002. 408 p. (In Russian)
26. S[tudencheskiy] K[omite]t o nuzhdakh studenchestva [Student Committee on Student Needs]. *Krasnaya Tatariya*, 1923, №201. (In Russian)

About the author:

Pershina Aliya Ildarovna – Cand. Sci. (history), teacher of history and social studies, Lyceum №273 named after L.Yu. Gladysheva (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: aliya.pershina.84@bk.ru

Received October 31, 2022

Accepted for publication December 19, 2022